

Ю Р И Й С М И Р Н О В

ВСЕЛЕННАЯ НЕФОРМАТ

СТИХИ

ETERNIDAD

9

0

6

18+

Содержит
нецензурную
брань

ПЕЗДЕЦ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Юрий Смирнов

Вселенная неформат

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57297468
Вселенная неформат: Вездец; Москва; 2020
ISBN 978-5-6044184-0-6

Аннотация

Юрий Смирнов – один из самых ярких и громких голосов современной русской поэзии. В его стихах – разных по технике, но тяготеющих к балладной форме – осмысляются и преломляются современная история, судьба лирического героя и его страны, онтологические и экзистенциальные мотивы. В книгу вошли тексты, написанные в период с 2007 по 2017 год. *Содержит нецензурную брань.*

Содержание

I. Фронтир	6
Снаряды	7
Камон грядеши	9
Весна	13
Провиантор	15
История одной паранойи	17
Ведьма и психопат	20
Клетка	24
Кот и судья	26
Гандольфини рэп	28
Декрет о часовых поясах	31
Бестиарий	34
Маятник	37
Улицы в огне	40
Треугольник	43
Индейцы	47
II. Солярис	50
Ной	51
Звуки	54
Сотворение мира ЗТ427М	57
Повестка	61
Парк Юрского периода	65
Сказка чёрного льда	67

Эйфория	71
Стаый солярис	76
Восьмимартэль	81
К Элизе	84
Обитель	86
Цунами	88
Поле	91
Батискаф	95
III. Морровинд	99
Скала	100
Тьма	103
Бестселлерс	105
История о	108
Стаый сон	113
Пансионат	116
Сель	122
Нефть	125
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Юрий Смирнов

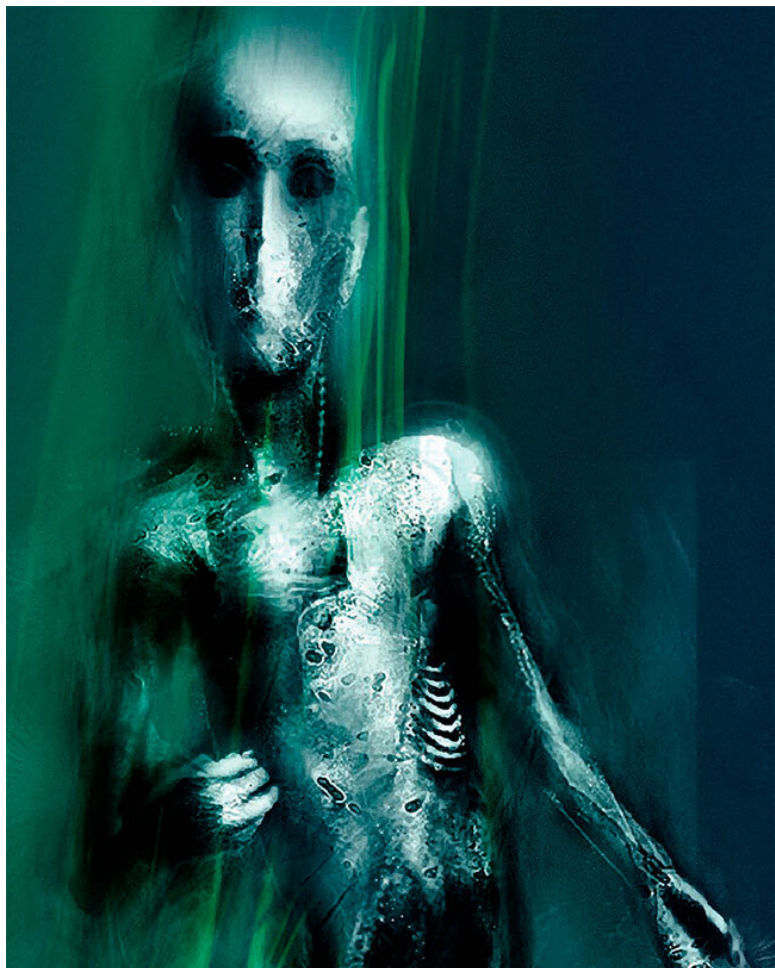
Вселенная неформат

© Смирнов Ю., 2020

© Пащенко О., иллюстрации, 2020

© ИД «Вездец», 2020

I. Фронтир

Снаряды

Лейтенант Александр Чурин,
Командир артиллерийского взвода,
В пятнадцать тридцать семь
Девятнадцатого июля
Тысяча девятьсот сорок второго года
Вспомнил о боге.
И попросил у него ящик снарядов
К единственной оставшейся у него
Сорокапятимиллиметровке.
Бог вступил в дискуссию с лейтенантом,
Припомнил ему выступления на политзанятиях,
Насмешки над бабушкой Фросей,
Отказал в чуде,
Назвал аспидом краснопузым и бросил.
Тогда комсомолец Александр Чурин
Ровно в пятнадцать сорок две
Обратился к дьяволу с предложением
Обменять душу на ящик снарядов.
Дьявол в этот момент развлекался стрелком
В одном из трёх танков,
Ползущих к чуринской пушке,
И, по понятным причинам,
Апеллирует к фэйр плэй и законам войны,
Отказал.
Впрочем, обещал в недалёком будущем

Похлопотать о Чурине у себя на работе.
Отступить было смешно и некуда.
Лейтенант приказал приготовить гранаты,
Но в этот момент в расположении взвода
Материализовался архангел.
С ящиком снарядов под мышкой.
Да ещё починил вместе с рыжим Гришкой
Вторую пушку.
Помогал наводить.
Били, как перепелов над стернёй.
Лейтенант утёрся чёрной пятернёй.
Спасибо, Боже, – молился Чурин,
Что услышал меня,
Что простил идиота...
Подошло подкрепление – стрелковая рота.
Архангел зашивал старшине живот,
Едва сдерживая рвоту.
Таращила глаза пыльная пехота.
Кто-то крестился,
Кто-то плевался, глазам не веря,
А седой ефрейтор смеялся,
И повторял –
Ну, дают! Ну, бля, артиллерия!

Камон грядеши

Госпожа, пишет Вам
Раб Ваш Максим.
Господин утонул в одной из этих цусим.
В тело его вошли бальзам и бальзамин.
Я на конце ойкумены
Остался совсем один.
Всё, что поддерживает во мне огонь,
Это Ваши прекрасные ноги
И родная римская вонь.

Госпожа, мы вчетвером,
Я, Максимус, Ваш верный прутик розг,
Осёл Константин, тупой светло-серый орк,
Ваш муж, мой хозяин, труп и смрад,
И бесконечный мелкий ледяной град
Движемся к городу городов.
Начинайте тренироваться
Для погребальных костров.
Отправьте в Альпы
Заготовителей дров.

Госпожа, мы в Индии,
Смотрим на прокаченных старцев.
Питаемся жуткой отравой.
Если бы у Пандавов были яйца,

Они стали бы Кауравами.
Муж Ваш гармонично вписался
В воды Ганга.
Извините, но мои ганглии
Бунтовали против его запаха.
На церемонии сожжём ишака.
Шокируем сенат,
Ну и римский народ слегка.

Сучка, я в Мидии.
И я пьян от коньяка и мидян.
Оганесян
Саркисян
Мхитарян
Такое ощущение, что мною играют
В кожаный мяч.
Осёл пользуется успехом,
Народ здесь горяч.
Лисица души моей уже внутри мехом
Вывернута
Вермута
Мяса на дубовых углях.
Сердце ударяется в грудь гулко.
Как боевой барабан кимвров, имхо.
Госпожа, простите за то письмо,
Его писал не я,
Ваш верный абьюз,
А пьяное чмо.
Я сел на корабль до Сиракуз,

Сопровождаю таинственный груз.
Боюсь.
Моряки, пираты, убийцы, враги.
Целовать следы Вашей ноги
На песчаной тропинке в Капуе.
Тут все говорят о каком-то распятом.
Говорят, Юпитеру скоро конец.

Я, Максимус Великолепный,
Повелитель Юга и раб новой веры,
Отправляю тебе, сенат, слепок
Моей нижней челюсти
Как знак моей непереданности,
Нечестия и нетерпимости.
Со мной семь легионов,
И запах ваш гнилостный
Будет им путеводной нитью.
Присылайте своих крассов и сулл.
Я их кровь выпью.

Минни, меня ждёт электрический стул,
Прости,
Это была фаталь еррор –
Пытаться пробить суппорт Форт-Нокс
Как говорил на суде прокурор
Жизнь тебе, сучий сын, не айс-крим.
Тебе отдадут мой сценарий
Про Древний Рим.
Продай его эйчбио или фокс.

Говорят, первым сгорает мозг.

Весна

Когда ветер
И дождь из фруктового цвета
Словно бабочки
Подняли восстание против неба
И падают
Подобно мёртвым пилотам
Когда ветер
И пыль
Будто бы джинн
Спрашивает три сокровенных желания
Когда ветер
И невидимый мотоциклист
В двух кварталах отсюда
Пытается перекричать воздух
Сиплым фальцетом
Когда ветер
И Бог
Закрывает форточку
Старый
И сквозняки не приветствует
Когда ветер
И ты в прошлогоднем платье
Спешишь
И не видишь
Пока ещё

Что я пришёл раньше
И смотрю на тебя сквозь стекло
Когда ветер
Несёт нас навстречу друг другу
В разных странах
Проекциях
И временах
Когда ветер утихнет
Ты
Оторвавшись от моих губ
Спросишь
Как тебе ветер?
И закроешь мне рот поцелуем
Не дожидаясь ответа
Безветрие

Провиантор

Я варю синий борщ.
Девяностовосьмипроцентный
Синий борщ.
Он вставляет
Тех (или тем),
Кто давно параллельный
К любой из тем.
К шашлыку.
К ухе.
К люля.
К человечине.

Меня называют Меченый.
В одной из кулинарных программ
Меня ударили
Китайским ножом
Прямо в параллелограмм.
Доктор Стас меня спас.
Шрам остался.

Маюсь
От варки к варке,
Не знаю
Чем занять свои
Толстые шкварки.

К Нельке пойти
Или к Одарке.
Старый.

Молдавский синдикат
Подпольной еды,
Маскирующийся
Под сеть наркоаптек,
Сидит у меня на хвосте.
Я скачу, как австралопитек,
Меняю города, квартиры, фиды,
Задумываю такой салат,
Такой нечеловеческой силы салат,
Что человечество,
Отведав его,
Добровольно отправится в ад.

У меня нет никого
Кого бы я
Не хотел
Заставить
Сидеть на диете
Дилеров прошу
Об одном
Не продавайте мой борщ
Детям

История одной паранойи

Дестини ковыряет вилкой пасту.
Он спецагент, мастер безопасности,
Отлученный от оперативного дела
За ту англичанку в швейцарском отеле.
Она не преследует его кошмарами.
Ему не снятся её рваные раны.
Нормально.

Дестини не любит пасту.
У Дестини под лопаткой свастика.
Внедрение, Белое Братство, резня в Техасе.
Салли бесится, говорит, ты – красный.
У неё в голове грёбанный блендер,
Свежевыжатый сок из чужих мнений.
Лень ей.

Дестини занимается копипастой.
Ссылка в архив, бумажная масса.
Разбирает дело Хемингуэя.
Читает, листает, смеётся, звереет.
Гений жалуется на прослушку и слежку.
Дестини молча идёт по следу
Бреда.

Дестини пишет красной пастой

Фальшивый отчёт о спецоперации.
Выдумывает агента Забриски,
Мастера по сглаживанию рисков.
Установка жучков, контроль почты.
Старая ручка писать не хочет
Ночью.

Дестини пьёт с журналистом Пастом.
Допускает утечку секретной информации.
Читает расследование Вашингтон Пост.
Газета имеет разведку под хвост.
Любимый писатель реабилитирован.
Шеф называет Дестини скотиной.

Синей
Бессмысленной
Южной
Ночью
Она
Приходит
И
Его
Хочет
Показывает
Грудь
В рваных ранах
Он
Говорит
Уходи

Мне на службу
Рано

Достаёт из сейфа
Чёрное ружьё
Не ждёт

Ведьма и психопат

а пока мир доигрался в железные шахматы
до вечного иранского шаха и клоуна пата,
я спою вам шуршащую шёлком балладу
про ведьму и психопата

Ведьма была ничего себе.
Ведьма летала на нижней губе,
Используя силу презрения.
Её мать-наставница,
Фея Женского Зрения,
Выдавая ей очередную тыкву
И дежурных мёртвых мышат,
Говорила:
Сад наслаждений,
Моя милая,
Открыт с восьми вечера
До девяти утра.
И у тебя полседьмого –
Тебе пора
Выражать эмоции,
Доставать из себя малышей.
Ведьма морщилась
И отвечала:
Мама, шей
Свой погребальный саван.

Время неумолимо.
Время грызёт изнутри кожу,
Как череп архиепископа Руджиери
Грызет Уголино.

Гольяново.
В прошлом Чёртова Рожа.
Люди вымерли, коты разжирели,
Нормальный ведьмин район.
Из церкви сделали
Макаронную фабрику.
Ведьмы общаются
С помощью зябликов.
Пишут внутри макаронин.
Лены Громовы
Юли Крюковы
Лили Доронины
Юркие, пегие, проворные,
Словно серии
Второго сезона Лоста,
Словно руки юного Шивы...

Но молю тебя, –
Если тебе дорога обшивка –
не заходи на Лосиный Остров.

Психопат там правит воздухом.
Захочет – запилит тебя лобзиком.
Захочет – задушит углекислотой.

Или договорится
С местной сволотой.
Поймают,
В багажнике привезут,
Возьмут часть тебя за труд.

Дети города знают про Психопата.
Он семи саженой,
Ликом бел,
А в руке лопата
И осиновый саженец
Для создания детских могил.
Он суммарно две школы уже убил.
Три детских сада –
Имени Розочки,
Имени Солнышка,
Имени маркиза де Сада.
Остерегайся его, дитя.

Бабочка бьётся в оконных сетях

Они сидят в заведении
«Выхухоль и индюк»
Живых посетителей немного
Он ест салат по-вьетконговски
Она – фаршированных слуг
Народа
Плюс вино из водопровода
Плюс каменная его ладонь

Лежит на сетке её чулка
Плюс дикий её огонь
Сжигает его последнего мотылька

Они не жили долго и счастливо.
Они жили быстро и разорвали город напополам.
В день, когда их колесовали,
Начался ураган.
Без заклинаний и магии.
Сам

Клетка

За несколько стен
От меня
Так громко поёт ребёнок
Так радостно
Самозабвенно
Что понимаешь
Через минуту
Заплачет

Какую-то чушь
Про медведей
Которые ниндзя
О, сладостный мир
Детских сказок
Где толстое злое
Животное –
Бесшумный разведчик

Вот уже
Ласковый папин голос
Сказал это вечное
Заткнись
Так отмирает детство
С каждым неправильным
Словом

С каждым неброшенным
Взглядом

Я встану с дивана
Толстый и косолапый
Бесшумно дойду
До двери
Глазок в коридор
Нет коридора
Нет никаких детей
Нет стен
В местах обитания
Медведей-ниндзя.

Кот и судья

Ходит мёртвый кот на мягких лапах
На столах – стрижи, ежи и граппа.
Чёрный люд жрёт-пьёт
Местный ксёндз под нос поёт
Напевает
Маричка бежала через топь
Маричку выследил хронотоп
Опрокинул на кочку
Вырезал почку

У окна сидит пальто на человеке
И трёхпалая рука со стеклом
Выбивает дробь
Ксёндз поёт не устаёт
На среднем «до»
Маричку спрятали под водой
Маричка стала сому женой
Родила воде икру
Мальков ГРУ

Глаз дрожит и бровь ломает угол
Пальцы нервно набирают google
Приговор суров
Ксёндз бездушный душевор
Холит топор

Маричка по ночам приходит
Маричка с сукой хороводит
Прокляла село и шлях
Птица-рыба стах

Мёртвый кот рассказывает судье –
Ты только первую башку сумей
Само пойдёт
Дикий ксёндз орёт слугам
Дайте бубен
Маричка носит в себе Двабога
Маричка Чёртова Острога
Гарпунит твой хобот
Тащит в свой омут

Гандольфини рэп

Здравствуйте,
Мистер
Джеймс Гандольфини,
Время идёт,
Слезы боли,
Если и были,
Остыли,
Замёрзли.
И всем до фени,
Что
В небеса
Отправился
Очередной жирный гений.
Надеюсь,
Это не слишком пафосно.
Просто настроение с утра гадостное.
Да и утро моё начинается в полдень.
Вот сижу и смотрю
Клан Сопрано.
Определяю по солнцу
Поздно ещё или уже рано.
В кино это называется
Режим.
А в планах,
Естественно,

Зал,
От груди сто пятнадцать жим,
Красная дорожка Канн,
Счастья безразмерный пеликан,
И удачи бесконечный слон.
И бессмертье.
Тупо, как закон.
Знаете, мистер,
У нас гундят,
Что японцы придумали
Такой сильный яд,
Что им можно отравить смерть.
Я не верю, конечно,
Досужим байкам.
Смерть неизбежна,
Как реклама Найка.
Он как бы нам всем говорит –
Вот и ад, малыш.
Джаст ду ит, смерд.
Кстати,
Из вашего сериала
Я узнал,
Что лимба не стало.
Что чистилище как бы отменили,
Как когда-то морские мили,
Правильный клей
И носки на подтяжках.
Я считаю
Идею ада большой натяжкой.

Впрочем, Вам там
На месте видней.
День завершается,
Не начавшись.
Думаю, не отжечь ли огней.
Знаете, надо немного светлей.
Впрочем, мне сорок.
Ещё можно тиснуть роман
Или взорвать карету тирана.
Жалко, мистер,
Что больше не будет
Новых сезонов
Клана Сопрано.

Декрет о часовых поясах

После того как из часа
В марте изъяли минуту,
Мы посмеялись.
Во-первых, они идиоты.
Время не подчиняется власти.
А во-вторых, мы просто будем
Немного быстрее
В беге и страсти.
Ну, сократимся на два поцелуя.

В июле, в знойном июле,
Когда плавился город,
Как мозга фрагмент,
У расстрельной ямы,
Они отобрали у нас пять минут.
Мы закрыли фейсбуки
И инстаграммы.
Мы торопились.
Нас ещё ждут.
Пятьдесят пять оборотов
Радости

Аморе, аморте

В августе, перещеголявшем июль

В жестокости,
Они в неутомимой своей подлости
Забрали у нас полчаса.
Скорости колеса
Не хватало, мы ссорились,
Время нас убивало.
Мало.
Мало.
Мало.

В сентябре нам оставили
Тридцать секунд.
Комната для свиданий.
Как ты тут?
Нормально, всё хорошо.
Номер тридцать четвёртый
На выход пошёл.

Милая лапа,
Я ещё не сошёл с катушек
И свои дни
Убиваю
Как нельзя хуже
Целую твоё бедро
Чаще – в воображении
Слева – бесконечное жжение
Будто старая тряпка
С изображением сердца
Тлеет

Ворую минуты

Лучше меня прятать время

Никто не умеет

Бестиарий

Я тогда бродил
На задворках Петровки,
Там, где старые книги
И поджарые гики
С порнографической макулатурой.
Я напрягал мускулатуру
Каждый раз,
Когда смуглый вора
Присматривался
К широте моего кругозора.
Предновогодье,
Я искал подарки.
Было, скажем прямо, не жарко,
На носу солнцезащитные очки,
Смешно, но
Двумя днями ранее
Знатно выхватил в щи.
Короче, раненый,
Но не побеждённый.

Он подскочил ко мне с непринуждённостью
Оленёнка,
Не единожды выжившего
В лесном пожаре.
Сказал –

«У меня есть для вас книга».
Мне было его так жалко,
Но я был давеча бит,
И не спрятал жало.
«Майн Кампф» Гитлера?

Я тогда пил литрами
И был неводержан мыслью.
Он испугался,
Спрятался
За прилавок выскобленный,
На меня зыркал волком,
Съевшим того, первого.
Оленёнка.

Я ходил туда и сюда.
Покупал какого-то сумасшедшего Толкиена.
Он смотрел на меня,
Как на олово смотрит слюда.
Вот нафига ты живешь?
Толку-то?

Я вернулся.
Снял очки абаддоновым жестом,
Показывая, что не боюсь его.
Я колобок из мёртвого теста.
«Ну и что вы хотели мне предложить?»

У оленя-волка рука дрожит.

Глаз задержался.
Пошла испарина.
«У меня для вас есть «Бестиарий»,
Восемнадцатый век,
Руками не трогать.
Посмотрите, какие львы!
Посмотрите – единороги!»

Всю дорогу дремал,
И за солнцезащитными веками
Сплетались химеры и гидры,
Лев с улыбкой доктора Лектера,
Единорог с ухмылкой Гитлера.
Я бродил в бесконечном лесу
В теле тиранозауруса рекса.

Вечером неразумно ранним
Постучала в дверь
Такая волшебная,
Что только литвин-вурдалак
Или оборотень-монах
Назвал бы наш шёпот,
Наш шелест
Сексом.

Маятник

Говорят, заходи
Приглашают – садись
Отогрейся
Стакан прими
Вот картошечка
Вот помидорку хватай
Короче, рубай
Будь как дома
Командированный к нам
Боец-молодец
Звучит «ветер северный... зла немеряно»

Я подлец
Наверное
Я поем, я уткнусь лицом
В воротник лисы
Чтобы снова сном бегством
Спаستись
От
Как тут говорят
Окопной шизы

Здесь состав городской
Ещё смешливый
Ещё брезгливый

Я для них ехидна
Я полезный изгой

Ночь чёрное масло
Раньше говорили – ни зги не видно
Подлежат расстрелу
Петр М
Сергей Д
Венгр какой-то, позывной Ласло
И неизвестный с мясной полуногой

Поэт Марианна Гейде
Писал про казнь земли
Я читал
Всегда собирал гильзы
Расстрельное монисто

Боже, внемли
Я палач
Мой сын будет штурманом аэробуса
Внучка – королевой этого глобуса
Год будет таскать корону
Говорить про голодных детей
И женскую самооборону
Правнук возглавит дом моды

Всё будет так хорошо

Мне нужно просто встать

И выстрелить

В эти лики зачёркнуто

В эти лица зачёркнуто

В эти морды

Улицы в огне

До двенадцати лет
Я был мальчиком-милитаристом.
Это было нетрудно.
Телевизор, где очередные триста
Советских спартанцев погибали ежевечерне,
Типа секретный журнал
«Зарубежное военное обозрение»,
Игры в войнушку до онемения черных мослов,
И ожидание,
Когда же мы наконец отзовём послов
Из Америки.
Потом я стал неврастеником.
Восемьдесят пятый год, апрель или май.
Я уже понял, что школа – тюрьма,
При каждой возможности рвусь на волю,
Кинотеатр Дзержинского, будто съеденный молью,
Прекрасный схрон для пионера-повесы.
(Интерлюдия – через десять лет
На заднем его дворе меня хотели менты повесить,
Но милосердно лишь раскроили череп)
Билет тридцать копеек, он стоит мессы.
В зале от силы человека три может быть утром,
Но никого не было в этот день.
На экране японский мультик
«Босоногий Гэн».

Я удрал с геометрии
Я стоял у ограды
В небе летел самолёт
Я подумал – разведчик
Потом наступила гром-вечность
За ней пришла три огня-вечность
За ними – минус вся кожа-вечность
Я вышел из кинозала
А мир был красно-серым
И небо на меня упало
И раздавило сердце
И двушки не было
А надо срочно звонить маме
Всё хорошо у вас? Вы живы?
Потом собраться и обыкновенно лживым
Голосом
Сказать
Что заболел физрук и нас отправили гулять
Но двушки не было
А город догорал
И обожжённые ко мне тянули культы
Так убеждённым пацифистом стал я тем апрельским
(майским) утром.

Война не началась
Мы не погибли
Кинотеатр давно закрыли
(А мертвецов моих зарыли)

Треугольник

Доктор,
Я так люблю лежать на вашей кушетке,
Пряча явное, выпячивая тайны.
Доктор,
Стоит над городом появиться авиалайнеру,
Я давлю на воображаемые гашетки
Своей безумной зенитки.
Я боюсь.
Лупит пульс.
Он летит прямым
В наш многоквартирный дом.
Я от пота промокаю до нитки.
Превращаю белую птицу в огненный ком.
Пациент,
Это септембинг,
Боязнь атаки Аль-Каиды.
Скажите,
Когда вы в них попадаете,
Вы икаете?
Нет.
Тогда это лёгкая форма фобии.
Я читала на нашем внутреннем форуме.
Попробуем вальпроевую
В комплексе с фолиевой.
На грани фола,

Но помогает.
Доктор,
Ещё я пишу стихи,
Но их никто не лайкает
И не шерит.
Я не могу заснуть,
Пока какой-то гороховый шут
Не нажмёт «нравится»
Моему шедевру и откровению.
Пациент,
Это синдром Блаувитца.
Ожидание душевного сахара.
Я не знаю,
Как от него избавиться.
Не пишите какое-то время,
Пошлите поэзию нахер.
Доктор,
Вы ругаетесь.
Пациент,
Не обращайтесь внимания.
У меня комплекс Гальцева-Тарнопольского
И разлад ментального питания.
А ещё, пациент,
Я боюсь пациентов
И образования плаценты.
Мне гадала цыганка на остановке маршрутки,
Говорит,
Берегись, красавица,
Того, кто шутит красные шутки

Про закоулки плоти.
Опасайся того,
С кем бы ты не против.
Дай тысячу –
И я тебя вычищу.
А не дашь денег –
Погружу в темень.
Доктор,
Эта вредная ведьма
Вас запугала.
Предлагаю –
Давайте сходим куда-то,
В Третьяковке скоро
Выставка Шагала.
Или просто посидим в кафе,
Съедем пиццу...

Вечер рисует на лицах
Доктора и пациента
Знаки рекламного законного света.
Им сейчас
Ну никак нельзя
Выйти из кабинета.
Потому что сгорбленный,
Кашляющий, в капюшоне,
Ищет новые головы
Для украшения
Подножия трона.

Через полчаса он выйдет
За границы их района

А пока он там
В тени клёна

Индейцы

Полтора года разбирал вещи отца.

Медленно.

Файлы.

Старые фильмы из диких мест.

Книги, похищенные у меня.

Тонны спецификаций и смет.

Снасти.

Папа был мастер охоты на щуку,

А на меня все виды добычи

Наводили смертную скуку.

Папа видел рыбу сквозь муть и хрусталь реки.

Помню, мне семь,

Я читаю Фрэзера Золотую Ветвь

Или Формэна Сила Правой Руки.

Днепр.

Речище.

Идолище поганое

Белое,

Будто брюхо гигантского сома,

На подводных крыльях летит

Само.

Местный лымарь цыгаркой пыхтит.

Песок на зубах цикадой скрипит.

Папа мне говорит

Иди и лови рыб

Я говорю нет
Иди и поймай леща
Леща я уважал.
Встал и поймал леща.
Папа умел видеть рыбу сквозь толщу вод.
Папа умел, как индеец, читать небосвод.
Папа умел, как индеец, сплести узор из следов.
Папа умел, как индеец, избегать больших городов.
А я, как индеец,
Всю жизнь ношу волосы ниже плеча.
И всю жизнь прислушиваюсь –
Барабаны ли не застучат,
Сексоты ли не поймают меня, как леща.
И всё, что у меня из индейского, –
Злая медвежья душа.
А впрочем, у меня есть хобби.
Я учу индейские диалекты.
Когда Маниту будет столь добр,
Что впустит меня из долины смерти
В долину охоты,
Я смогу сказать на языке лакота
Добрый вечер
И поинтересоваться здешней вечной погодой
На языке сиу.
Во-первых, отец, это вежливо.
Во-вторых – просто звучит красиво.

II. Солярис

Ной

Ной забивает гвоздь за гвоздём.

Зеваки глазеют.

И так день за днём.

Этот корабль не поплывёт.

Это не судно, а гроб.

Да и потоп.

Что за потоп.

После нас

Хоть смерть,

Хоть дефолт.

Этот корабль не поплывёт.

Это не судно, а гроб.

Ной молчаливо кроит паруса.

Зрителям всё божья роса.

И говорит

Образованный сноб –

Этот корабль не поплывёт.

Это не судно, а гроб.

До моря ближайшего

Триста лиг.

И формы тупые –

Не барк, не бриг.

Короче, дерьмо это

Не поплывёт.

Ной себе делает гроб.

Они мешают ему работать
тычут под нос сводки Гидрометцентра,
где чёрным по белому сказано
сухая теплая погода.

Приезжих сразу ведут к дому Ноя
показывают
наш дурачок

свихнулся на теме конца света
он с богом разговаривает
как нажрётся

пошли выпьем холодного пива
жара несусветная

у вас такая же погода?

можно очуметь

а что ты хочешь, ледники в Альпах тают

кстати, придурка нашего

вчера показали по телеку

ага, поплывёт открывать Америку

ага, полетит открывать Америку

ага, поползёт открывать...

Ной грузит на судно

Большую кровать.

Семью.

Жена и три пацана.

Сто тонн провизии.

Без неё – хана.

Надо кормить

Целый зоопарк.

Публика ржёт.

Совсем спятил.

Мрак.

Ной рассержен.

Забыли енотов.

У тигра понос.

Слон сломал бивень.

По щеке медленно-медленно-медленно,

Словно в дешёвом кино про любовь,

Сползает капля.

Начинается ливень.

Такое часто бывает в июле.

Бесмысленно парит, как в медной кастрюле.

И вдруг прорвётся,

Вдруг всё небо хлынет.

И это никто у тебя не отнимет.

И человек с идиотской улыбкой

Бежит по пустому проспекту Науки.

Уже наплевать на промокшие брюки.

Звуки

Арсений Тарковский

(как хорошо, когда к твоей фамилии нужно обязательно прибавить имя, чтобы тебя узнали, не спутали с сыном),

Так вот, Арсений Тарковский

Считал, что в Херовогаддо

У каждого дома

Есть свой неповторимый голос.

Есть звук.

Что вокруг города очерчен

Звуковой круг.

И если ты хочешь безмолвия,

Надо ехать в степь,

На немую волю.

Степь молчит,

Даже если гудит батальон шмелей

И шуршит котильон ветров.

Степь хоронит своих воинов и воров

И молчит над гробами.

Ни проклятия, ни молитвы.

Но вернёмся в город

Радостной виноградной улиткой,

Послегрозовой.

Купол снят.

Город давно и надёжно немой.

А ещё пять миллионов лет назад
Музыка была здесь стержнем
Оси.

Взяв в до-мажорной гамме
Полуфинальное «си»,
И перебегая на ленивый
Провинциальный красный,
На багровое содьфеджио,
Я слышал

Из каждого дома

Клавиши
Струнные
Духовые
Вокал.

На худой конец,
Мастер художественного свиста
Прибывал на вокзал.

Да что говорить.

На моей маленькой улице в сто окон
Жили два великих саксофониста.

Звук победил.

Звук прорвал кокон.

Звук уехал, опережая носителей звука,

Звук уже пел в Гамбурге,

Трубил в Лионе,

Натирал канифолью себя изнутри

В каком-то совсем невозможном

Мельбурне,

А мы ещё молча бродили здесь.
Как тогда говорили – для мебели.

Между большим и указательным пальцами
Гигантского несуществующего памятника
Нейгаузу.

Сотворение мира 3Т427М

Дедал
Несуровый скучный мужчина
Лепит фигурку из пластилина
Мальчик с крыльями за спиной

Закрывает кузницу
Идёт домой
Марширует за строем строй
На лице гоплитов
Написан гаплык
Сотенный
Кругломордый бык
Смачно орёт
За Элладу!
За Пелопоннес!
У него
Наверное
Есть интерес
В этой непроходимой войне

В плотных слоях
Нагрузка на крылья вдвойне
Но стоит тебе
Подняться выше богов
Будет легко

Икар
Не спи
Ты слышишь меня?

Икар
Всю ночь
Ел как свинья
Пил как калидонский вепрь
Орёт спьяну
С Танаиса выдачи нет!
Дедал
Гладит сына по голове
Я спасу тебя
Верь

Ночью ветер срывает дверь
С петель
И Дедал понимает
Пора
Никто не доживёт до утра
Похмельённый Икар молчалив
Сынок
Вот рычаг, вот ремень, вот шкив
Следи за стрелкой альтиметра
Держись золотого ветра
Самого верха

Взрывная волна
Сметает античность

Икар чувствует себя отлично
Словно сёрфинг в июне
На Крите
В наушниках говорят
«Говорите»
Потом кричат
Потом немеют навечно
Золотой – попутный
Чёрный – встречный

Через сорок часов
Облака уходят
Словно часовые при эшафоте
Икар
Считает угол наклона глиссады
С ловкостью опытного пилота
Приземление
Согнуть колени

Где Афины купались в лени
Где роскошествовали Фивы
Где тренировалась Спарта
Кратеры
И пустыня
Словно лунная карта
Что висела в кузне Дедала
Рация ожила
Запищала
«Я в горах

От тебя приблизительно
Сто километров слева.
Я туристка.
Заблудилась в пещере.
Как звать?
Ева»

Повестка

Вызывали меня в тёмный дом с белым куполом
Говорил со мной мних в красном куколе
Лисы вышиты и сколопендры
Знаешь, мне говорит, кто такие д. данилов и ю. гуголев?
Неа, вру, не слыхал, но могу зауглеть
Или посмотреть в канадской энциклопедии
Хорошо, говорит, верю
Знаешь, где нет ни еврея, ни эллина?
Знаю, конечно, в палестино-турецком клубе по
интересам
Протяни мне два пальца
Или, как хочешь, можно три
Буду испытывать тебя перстно и крестно
Отрицаешь ли дьявола или нет?
Что вы, говорю, пан бафомет,
Никаких вопросов к тёмной материи
Смотри, говорит, мы тебя в деле проверим
Да я хоть сейчас, говорю, я не занят
Работаю на малой планете замом
По небоевой подготовке
Разлагаю бойцов
Учу их пить водку, договариваться с местными шлюхами
Если держатся за своё – читаю им кокотюху
Тут сломается любой
И попросится в смертный бой

Хорошо, говорит красный монах,
Ты же в курсе, что смерти нет?
Что-то слышал, вру, будто она в бегах
На каких-то неведомых берегах
Потерялись её следы
Почему-то старцу не нравится мой ответ
Надо искать её
Как всю жизнь ищут горний свет
Она на обязанности свои плюёт
А чего хочет – сам чёрт не поймёт
Ещё месяц – и наш мир ожидает крах
Я говорю, я присяду, истины нет в ногах
Если есть минута
Расскажу один странный случай
Короче, собрали нас всех до кучи
И очень круто убили
Перерезали как ангелочков
В ночном соборе бензопилой срезает маньяк
Короче, выжили я, мистер лок и один важняк
Он у нас был при тайнах галактики
Ираклий или Галактион
Не помню
Монах просит говорить лаконичней
Я за спиной держу наконечник
Красной Стрелы
Фирмы Омниум
Говорю, как говорил Лао-Цзы
Своему верному ученику Цзы-Лао
Мы существуем в потоке лавы

У нас есть три варианта
Нахуй сгореть, нахуй сжечь и обычный нахуй
В этой радиационной местности
Кончают исключительно раком
В нашем традиционном обряде
Скармливание дев парковым крокодилам
Давно уже жертвоприношение не проводили
Вот годом раньше – каждое воскресенье
Монах говорит – я бы убил тебя
Это спасение было бы от твоего липкого бреда
Но смерти нет
Нет её зампреда
Нет помпотеха
Нет начхима
Нет засракуля
Нет кавторанга
Где сейчас её лофт
Где её черна яранга?
Я говорю – я в незнанке
Несознанке и трансцендентном отказе
Но если встречу жизнь – попробую всех вас отмазать
Он говорит – ладно, иди
И кивает своим капюшоном
Выхожу
Солнце синее уже село
Солнце белое ещё медлит
Патронташ беседует с Паташоном
Кандидат в цари раздаёт тушёнку
Ликом тучен и мозгом тёмен

Унтер и юнкер садятся в юбер
Я поглаживаю душонку
Говорю ей
Спи, мой котёнок
Ничего с этой вселенной не будет
Тётенька-смерть найдётся
И радостно нас погубит

Парк Юрского периода

Нет фашистов в своём отечестве
Нет у родины палачей
Посмотри
Всё нормально
Вот праздник джаза
Вот полёт разноцветных мячей
Вот ребёночек мчится с ведёрком
Отбирать у сестры самокат
Вот принцесса целуется с орком
Камуфляжным
И будет град

Разбежится парк под навесы
Под защиту летних быстро
Мамы детям купят конфеты
А себе – местный кальвадос
Ничего
Вот вернётся папка
И в семью привезёт лавандос
Поменяем старенький ланос
На смешной тупоносый смарт
Поменяем тревогу на юное тело
Поменяем июль на март

Я в сугробе за горотделом

Тает снег
В черепе дыра
И подходят ко мне несмело
Он и вот эта смешная она
Посетившие фильм Хеллрейзер
Целовавшиеся в темноте
И она говорит
Поможем?
И он твёрдо
Малая, ты крейзи
Малая, не

Сказка чёрного льда

Она приходит к реке
Раз в три месяца.
Приносит новый корабль,
Ёрш ли идёт на нерест,
Загорают ли гастарбайтерши,
Словно это их родной Днестр,
Или плывёт чёрный лёд –
Берег всегда её ждёт.
Она уже не ребёнок.
Кончается первый семестр.
Она больше не хочет быть
Полоумной дурой,
Смешным совёнком,
Посмешищем
Своего спального поселения.
Клеить,
Шить,
Раскрашивать паруса.
Это её последний корабль.
На парусах нарисованы глаза.
Она назвала его Прозрение.
Мир её завершился,
Как последняя часть романа
Про принцесс и драконов.
Волшебство покидает её,

Как толпа выходит из вагонов
Подземки

Он в то утро
Едва смог раскрыть zenки.
На электрической плитке
Согрел подобие чая.
Мороз слабеет,
Солнце крепчает.
Он вечно живёт один,
Как будто сидит
В одиночке на крытке.
Срок без конца и начала.
В его подвале стоят корабли
На гнилом сундуке,
Как у причала.
Самостоятельно
Построенный ад.
Слава Богу
Не надо ничего надевать.
Всё, что есть у него, –
Уже надето.
Он, прихрамывая, идёт к реке.
Надо успеть до первого света.

Другой он сказал водителю –
На берег давай,
На моё место.
У него уже год как умер

Последний друг детства.
По-видимому,
Другой он пытался плакать.
Но все слёзы
В каком-то секретном сейфе.
Горе будто бы
Депозит –
В месяц капает пять процентов.
Другой он, словно ледокол,
В бесконечном дрейфе.
Другой он приезжает
Говорить с водой.
Она может слушать.
Это ценно.
Чёрной льдины
Бриллиантовый скол.
Он греет в кармане
Непослушный ствол.

Я плыву по реке.
Я смотрю
В восемнадцать
Нарисованных глаз,
На дома для сна,
На деревья,
На облака.
Смотрю без всякой эмоции.
Я моряк,
Без пяти минут водолаз.

Я неимоверно крут.
У меня под килем
Едва ли фут.
У меня в лоции
Тупая тоска.
И ничего,
Ничего не гуд.
А команда моя,
Где-то там, в аду,
Давно уже в полном сборе.
Но я знаю,
Девочка,
Если вечно плыть –
Обязательно будет море.

Эйфория

Мы прилетели.
Торкнуло на орбите.
Думали, зря напрягались
Десять лет в этой коробке
(Транспорт Дивижн
Экспедиция Мирный Житель)
Но командир-навигатор Нойер
Взял нужный галс
Справился
Он вообще мужчина
Неробкий
Истинный ганс
Взяли пробы всего
Всё бесконечно нормал
Командир приказал
Выходить поотрядно
Начинать разгружать
Харвестеры
И надеть крестьянскую форму

Мы его разорвали
Она унижает нас
Она не нарядная
Мы не рабы
А герои спейсвестерна

Мы крепко отметили
Раздали валиум
Эйфория
Третья планетка
От Альфы Дракона
Тут хорошо
Тут не будет закона
Тут будет ответка

Инженеры пытались
Взять власть в свои руки
Да, они знали коды
От сверхлётов
И матричных танков
Но нам не нужны
Эти чёртовы штуки
Мы разобьём огороды
Посеем капусту и манго

Инженеры пошли
На удобрения
Люди-растения
В помощь растениям
Гумус
Гуано
Гнилость

Жрецы затаились
Не приставали к нам

Как там
На корабле
Со своей Трансгуманностью
Не спать с чужой бабой
Не спать с бригадиром
Не спать с парнокопытным
Благодарить Светлого Ты
За два тубика тёмной жижи

Мы не забыли
Резали животы
Пихали им в кишки крабов
Весёлая пытка
Тощих повесили выше
Толстых – ниже
Где ветви крепче

Потом Эйфория
Показала нам зубы
Всё стало намного резче
Сначала атака летающих зубров
Пошли непонятные пятна по коже
Потом появились люди-свечи
Когда в один миг голова сгорает
Тяжела изнанка любого рая
Кстати да
Медикологов кислорожих
Мы разорвали на вече
От них все беды

И эпидемии
Мы сами с усами
У лекарств есть
Инструкция по применению

А потом как-то странно
Изменилось время
Раньше оно летело
Как космолёт
Теперь тянется клеем
И я не уверен
Что точно вперёд

Наши дети воображают себя
Листвой
Падают с высоких деревьев
И лежат неподвижно
Мне очень хочется улететь
Домой
Но я не знаю
Как запустить наш Дивижн

Короче
Нас осталось всего
Двадцать шесть самцов
Нормальных
Помнящих веру и буквы
Целых и
Осторожных

Мы перебрались в пещеры
Острожим слепых гольцов
Пытаемся делать луки

Тут сотни вонючих чаек

Одно хорошо
Я отрастил густую шерсть
И мне не холодно
Эйфорическими
Ночами

Остальных мы
К себе не пускаем
Отгоняем огнём
И Дьявольским Лаем
Они одичали

Я по тебе жутко скучаю

Стаый солярис

В полумёртвом порту
Бетельгейзе, восемь
Я работал на баре
В ту дурацкую осень
И ко мне
Как на службу
Приходил на стакан
Один бывший
А, может, и нет
Капитан
Он кричал
Командир
Наливай до краёв
А не так
Как тут льёт
Тыловое ворьё
А напившись
Шептал
Через стойку
Убью
И убил бы
Шламазл
Тренированный гад
Но, поверьте, что
Восьмирукому мне

Его нож
Его дедовский лазер
Его гипнозахват
Были равно смешны
Помню
В Красном Гель-Гью...
Впрочем, речь
Сейчас
Не о моём ушу
Ну, короче, летун
Упивался в лапшу
И
От стойки не отрывая
Лицо
Говорил
Командир
Командир
Командир
Командир
Я рассказывал
Про
Убегающий Мир?
Он рассказывал
Про
Убегающий Мир
Ясен пень
Он рассказывал это
Мне
Каждый день

Про планету
Где он повстречал свою тень
И как
Бросил свой
Бессердечный линкор
И как ликвор его
Туманил ликёр
Из неведомых
Диких зелёных цветов
И как он танцевал
С голубым леопардом
И как
Будущих душ
Миллиарды
На деревьях висели
В весёлом лесу
И как та
Что давно
От удушья
В далёком краю
Выбегала
На земляную косу
Когда он на вёслах шёл
К их дворцу
Из сапфиров
И странных листьев
Как однажды карниз
Рухнул вниз
Будто выстрел

Внезапно
И они хохотали
Под занавеской
И трахались
Троекратно
Барахтались
Как молодые коты...

Утро без десяти
Дверь захлопнется
С треском
Стоя дремлет гарсон
К капитану придёт
Его старый приятель
Наркотический сон
Я стараюсь
Сегодня не слишком шуметь
Впрочем
Как и всегда
Вдруг
Не сон
Может, смерть
И тогда всё изменится
В жизни моей
Я пронырливым стану
Как
Тысяча змей
Я уволюсь
И по дешёвке куплю

Космолёт
Буду первый в галактике
Бармен-пилот
Я проставлюсь на славу
Я забецаю пир
А потом
Навсегда улечу
В Убегающий Мир

Восьмимартэль

Дуру,
Что поселилась в доме
Бывших зомби Егоровых на углу,
Сразу изгнали.
Она делала кукол, будто бы для театра.
Софья Богдановна наслала чёрную мглу,
Дыру безнала и королевский артрит.
Не дожила квартирантка до марта.
Нам тут не надо кукольщиц.
Игольщиц,
Ведьм.
У нас и без ведьм всё болит.

Анна Степановна, например,
Вышивки делает, мулине,
Картины известных художников.
С этими вышивками нужно
Быть осторожным.
Вот Васька, к примеру, Сапожников,
Заказал ей «Чёрный Квадрат»,
А через неделю суд у него всё забрал.
Дом, машину, детей, любые парные органы.
Или, скажем, Сергей Палыч Воронов,
Купил супруге «Грачи прилетели»,
А через месяц труп её куры объели.

Внезапный инсульт в инкубаторе.

Мария Петровна вообще родилась

В Улан-Баторе

В двенадцатом веке

И знает ходы к секретной воде.

Её поделки приносят томное бдение.

Мозг заходится в кашляющем смехе.

Сон уходит из тебя навсегда.

Пластилин, поролон, чёрная беда.

А Нэлличка, девочка, наша любимица,

Сердечки раскрашивает акрилом.

Стоит сердечко десять гривен.

Ходовое самое – в форме Крыма,

Это если хочешь отбить мужика надёжно.

Есть ещё похожее на ёжика.

Такое милое, радостное.

Это чтобы ребёнка украсть,

Или чью-то страсть смертельно проклясть.

Жанна Сергеевна составляет молитвы дьяволу.

Татьяна Павловна из крапивы шьёт наволочки.

Инесса Викторовна волонтерит на храм Астарты.

Елена Олеговна собирает подписи,

Чтобы переименовать нашу улицу

Имени Восьмого Марта

В переулок Меченой Карты.

Или Марты Кетро.

Не помню.

Но что-то такое.

В стиле ретро.

К Элизе

Утро саксонской принцессы
Не предвещает даже приличного вечера.
В чашках тончайших
Туман,
Делать, конечно, нечего.
Вышивка,
Держи спинку ровно,
В августе путешествие в Мюнхен,
Ненавижу,
Королевство картофельной кухни,
Мы им, конечно, не ровня.
Всё изменяется сначала в звуке.
В тяжёлые «фа»
Местных четвероногих танков,
Коней обстоятельных,
Рыжих,
Словно женщины Лукаса Кранаха,
Вплетается «си»
Звонкой ганноверской ковки.
Лошадка весёлая с бешеной чёлкой.
Курьер весёлый с безумным письмом.
Герцог Отто Восьмой
Просит руки Вашей дочери.
Весь малый двор
До ночи

Обсуждает возможный военный союз,
Вспоминает Силезию и Мазовию.
Ровно спинку держи,
Наверное,
Так начинается жизнь.
В парке ухают совы.
Кузен Отто хорош собой,
Не расстанется с картонной трубой,
Машет фарфоровым палашом.
Кто же тебя ему выбрал, нашёл?
Кто развернул судьбу,
Как телегу с ранеными
Разворачивает першерон
И увозит от линии фронта
К линии леса?
Кто фарфоровый твой подбородок
Трогает пальцами
И притягивает к своим губам,
И целует,
Словно бы наводит резкость?

Обитель

Был монастырь тут
Ох, какой монастырь
Белый свет шёл от звонницы
Мешал спать округе
Когда мы пришли
Чермные Слуги
Третья Армия
Мёртвой конницы
Настоятель Мелхиседек
Воздел длань
И установил купол
Шуйцу в землю вбил
Как вбивали крест
И вызвал страж-духов
Веришь
Я тогда поседел
Хоть видел
Пёстрый Погром
И барабаны из девичьей кожи
Мы стреляли в них
Атомом и ядром
Но сама сущность стражников
Была ложной
Короче, бросили мы эту возню
И ушли к океану

Освобождать Атлантиду
А когда вернулись
Монастырь стоял
Ничего не изменилось с виду
Только колокольня излучала мрак
И монахи пели
Как хор сумасшедших
На престоле мудрости
Восседали враг
И приветствовал нас
На свет мрака пришедших
А потом были странные
Триста лет
Без лица
Без солнца
Без первой птицы
И рычал волк
И молчал лев
У пустой
Когда-то святой
Гробницы

Цунами

Когда отступает цунами
И мы приезжаем
На старой
Чужой
Пахнущей
Пролитым кетчупом
Спермой отпрысков
Страхом перед
Экономическим кризисом
Неярко-красной
Машине
Наших друзей
С материка
Когда мы
Узнаём
В куче ила и мрака
Парк
Деревья
Качели
Счастье
Детей
Пропавших
И судя по боли
Неверья
В твоих глазах

Навсегда
Когда мы
По колено в воде
Входим в наш дом
Уютное гнёздышко
Посткапитализма
Плазма
Ты видишь
Она уцелела
Мир крепежа
Фирма не соврала
Милая улыбнись
Жизнь продолжается
Наши дети
Сейчас
Возле Иисуса
Он заберёт их из школы
Он даст им хорошее
Образование
Там не бывает плохого
Слушай
А давай попробуем
Включить?
О, работает
Работает
Принеси
Бутерброды
Они в синей сумке
И не реви

Сука

Поле

Человек на танке
Смотрится отлично
Позирует
Для журналисток
То башню погладит
То орудие
Танк доволен
Бока подставляет телевизионным лучам
Думает
Вот ту
В голубом джинсовом сарафане
Я бы укачал

Це була Надія Марна. Студіє?

В танке человек
Смотрится
Как эмбрион с патологией
Синдром Патау
Но деваться некуда
Смерти много
Места мало
Заряжай
Целься
В поле бушует

Такой адский цельсий
Что броня потеет
Плачет

По информации Гидрометцентра
В этот день
В сорок третьем
Было ещё жарче
Человек под танком
Смотрится жалко
Лежит ничком
С пробитым бочком
Танку
Отдаёт руку
Потом ногу
Танк медведем урчит
Разрывает плоть
Понемногу
Потом
Помногу

Сокол, ответь Небу, не молчи

Но это же не наш человек
Наш все ещё в танке
Орёт
Мамка
Потому что в танк
Попадает корнет

Или фагот
Назад уже нет
Как нет и вперёд

Подбили, чёрт

Человек красиво выпадает из люка
Как каскадёр
Исполнитель трюка
Но его разрезает утёс
От плеча до паха
От башни до трака

Как поникший трезубец – овёс
Танк умирает
Плачет
Взывает
Человек, на кого ты меня покинул
Человек лежит
Двадцать два с половиной
Смотрит вытекшим глазом
На человека-врага
С раздавленным тазом
Без месяца сорок два

Ну давайте
В агонии
Друг другу
Скажите

Сдохни, тварь

Огонь

Бесконечное вечное жито

Охра и киноварь

Скоро войне конец

В этом поле построят ТЦ

Батискаф

Это, скорее, философский вопрос,
Чем конструирование истории
Для выжимания слёз.
В задаче дано:
Есть корабль,
Научно-исследовательское судно,
Есть батискаф,
В нем сижу я,
И есть трос
Между батискафом и кораблём.
День сегодня какой-то простудный.
Метеосводка мирная, словно атом.
Я погружаюсь со своим батискафом
В малоизученный водоём.
Допустим, океан.
Тихий.
Где-то в районе Антарктики.
И тут налетает шторм.
Дикий.

Трос не выдерживает ответственности.
Батискаф словно лайнер в зоне турбулентности.
И вот мы уже катимся по ледяной лестнице
В трёх километрах от поверхности
Океана.

Мама мне говорила – не доверяй воде
И людям воды.
Они от рождения седые от ужаса.
Вода – это чудище.
А ты – её ужин.
Капитан говорит – делаем всё, что можем.
Штурман говорит – ещё час и нас на борт положит.
Боцман говорит – вахтенные еле тёплые.
Юнга пишет в твиттер – первый мой шторм, ёпта.

У батискафа автономный запас.
Восемь часов и семь особо раздражающих сейчас минут.
Я понимаю, что меня не спасут.
Часы идут.
Наверху пьют крепкий научный чай с мёдом,
Связываются с «Мстиславом Келдышем» и
станцией Мак-Мёрдо,
Все мёртво.

Нет троса.
А если бы был,
Нет способа нас с батискафом найти.
Нет вопросов.
Лишь чудо.

Через восемь часов
Капитан выдыхает и говорит:
Уходим нахер отсюда.

Батискаф утешает меня
Семь минут, брат,
Прекрасный тайминг,
Чтобы бегством спастись из плена
Мамы,
Судьбы,
Кислорода,
Принадлежности к расе, полу, народу.
В кресле расслабься,
Затянись крайним воздухом,
Как сигаретой первой.
Тебе хорошо – ты умрёшь,
А мне гнить тут до окончания времени.
Я отвечаю – всё ты врёшь.
Давай-ка, брат, без лозунгов.

Напоминаю, это был, скорее, философский вопрос,
А не история для выжимания ваших ёбанных слез.

III. Морровинд

Скала

Девочка собирается в школу.
Книжки, резинки, тряпчаная кукла
С глазами-армейскими пуговицами.
Говорит маме:
Алла Петровна велела взять
Луковицу тюльпана
И двояковыпуклую линзу.
Мама находит слова дочери
Лишёнными здравого смысла,
Но ищет насмешливое стекло
В рабочем хаосе мужа.
Муж придёт только к ужину,
Позднему, как желанный сын,
Нерождённый и очень нужный.
Девочка, третья девочка.
Вообще-то четвёртая.
Но первая умерла от воспаления лёгких.
Если бы пенициллин открыли
На пять лет раньше или того около,
Девочка не бежала бы в школу
С горбом из красного ранца,
А была бы небытием.
Но мама с папой смирились
И собрали её геном.

От Батя до Конева мир един:

«Берегись, девочка, я тебя съем»

Первый тезис.

Чёрный, как нагромождение льдин.

А тезис спасительный, второй:

«Не ешь меня, я тебе буду сестрой»

Из подруг у девочки

Три кладбища и река.

Невелика, светлолика и неглубока.

Пред рекой иудеи спят и магометане.

Над рекой – католики в белых склепах.

Есть ещё подружка грустная Таня.

Есть ещё подружка весёлая Лена.

Речку они шутейно прозвали Летой.

Летом девочка жила со смертью.

Брала куклу, шла на могилы играть.

Война уже не имела вчерашней силы.

Не лязгала, не грохотала.

Ржавчиной отцветала.

Осколками в папиных лёгких хоркала.

Мама Зина уже не прятала в чемодан корки.

Жили влёгкую.

Впятером делили кровать.

Девочка в речку бросает ранец.

Словно красный лебедь,

Лебедь-повстанец,

Он плывёт передать нашим,

Что погибла девочка в этой манной каше,
В шароварах этих из парашютного шёлка,
В этой нудной ненужной школе.

И она не девочка, она альпинист Абалаков.
Лезет в облака по белой стене отвесной.
Каолиновая нехристова невеста.
Глина подлая убегает из хвата,
Под ногой скользит, как каток февральский,
Мертвецы ей протягивают пальцы,
Держат,
Держат,
Держат,
Но она летит, как краплёная карта
Со стола таёжных сидельцев.
Вертит гибельное двойное сальто
И лежит в реке правым боком,
И с рекой сообщается кровотоком,
И вода бьётся в её красном сердце.

Говорит мне
Ощущение было
Будто не я на земле
А земля вся на мне лежала
Было больно
Даже больнее
Чем когда я тебя рожала.

Тьма

Проснулся – а внутри сидит смерть,
Как безумный мангуст,
Караулящий призрачных кобр.
Ждёшь – вот-вот доктор придёт
И откроет свой кофр,
И достанет одну из колб.
Зажмурься и выпей.
Это то самое.
Боевая смесь «Припять».
Оживление трупов
Для продолжения боя
До бесконечности.

В Институте Временной Вечности
После указа о принудительной коме
Стало куда оживлённее.
Этим учёным только дай повод,
Дай деньги, дай премии,
Сразу же смех, разговоры в курилке,
Капустники, промискуитет,
Жизнь бьёт гейзером.
Жизнь бьёт маузером.

Смерть сидит под камешком
Только глазки-бусинки.

Бестселлерс

Когда объявили, что будет война,
Отец мне сказал – ты знаешь, что делать.
Каждый из нас взял десять любимых книг
И закопал в своей части нашей земли.

И дом наш,
Удивительно, правда, я бы сам никогда не поверил,
Взлетел в небо на семь километров
И будто парил там.
А мы будто ходили по воздуху
В магазин за минералкой и хлебом,
В банк, квартплату оформить.
Хотя кто бы нас оштрафовал.
В городе нас откровенно боялись.
Они ходят по воздуху и ничего не боятся,
А у нас тут по карточкам мужество.

А чего нам бояться?
Это была война между нищими братьями
И по договорённости,
Продиктованной скорее жадностью,
Чем гуманизмом,
Авиацию запретили.
То есть, мы и была авиация.
Дом среди ясного неба,

Недостигаемый для миномётов и гаубиц.

К чести сторон,
Никто не устроил друг другу Аушвиц.
Просто буднично выдернули из жизни,
Словно зубы у горе-полярника,
Людей из оболочки.
Солдат.
Их женщин трёх возрастов.
Их котов.

А потом объявили, что войне
Не то чтобы сразу конец,
Но перемирие.
Папа сказал – не верим, летаем.
А потом объявили,
Что перемирие, несмотря на
Большие потери обеих сторон,
Номинировали на Оскар.
Папа реагировал на такое остро
И поднимал нас в стратосферу.
Потом объявили, что войны не было.

Ну и не было.
Никто не забыт.
Ничто не забыто.
Пустой магазин сам по себе.
Пустой рукав – это сенокосилка.
Пустое место в розовом платье

Весело машет ведёрком,
Вышагивая с самой красивой
Юной вдовой.

Мы приземлились
Мы откопали наши сокровища.
Я семь.
А отец,
У него книги были сильнее,
Пять.
Одна проросла и не хотела прощаться
С землёй,
Обнимая её жизнью налитыми буквами.
Дом посреди земли.
Мы в своих комнатах.
Чинно читаем до вечера.
А с наступлением темноты
Пишем новые книги.
Я три.
Отец пять.
Бойтся, что не успеет
До новой войны.

История о

Идеальный сценарий
Про идеального офицера
Должен
Содержать в себе
Три поворота
Мальчик бегаёт
С деревянным мечом
По полю
Мальчик рубит
Ромашки
А родители в поте
Зарабатывают
Медную драхму
И переживают
Экзистенциальную драму
Тот
Кому готовили
Путь торговца
Провожает войска
От ворот
До линии солнца
И глотает
Книги
Про полководцев
Мама плачет

А отец вспоминает кузена
В целом
Очень неприятного чёрта
Что в столице
Империи Дзена
Командует
Львиной когортой
Слово за слово
Вот и письмо поспело
Поезжай сынок
Изучай военное дело
Десять лет проходит
И курсант-отличник
Едет в свою часть
В Карфаген
Или
В Перл-Харбор
На пути его
Повстречается нищий
Скажет
Брат
Я, кажется, умираю
Мальчик снимет плащ
И паёк разделит
Нищий не умрёт
Кстати, он не нищий
Он учитель
Знаток человеческих точек
Он убил Брюса Ли

Исцелил Горгону
Он расскажет мальчику
Про секрет бессмертья
И нажмёт на
Специальные зоны
Десять лет пройдёт
Легион в засаде
Пулемёты кромсают
Полумёртвые фланги
Пальцы на мече
Не разъять
Фаланги
Побелели
Как позорные флаги
Мальчик, ты в плену
Тебя расстреляют
Только стрелы вонзаются
Курам на смех
Пули вязнут
В пространстве
Не долетая
И гранаты взрываются
Безутешно
Враг напуган
Бежит
Возвращается
И сдаётся
Цезарь дарит коня
Орден, конечно

И, конечно, зависть
И, конечно, ссылка
Городок в пыли
Лучше греческий
Можно армянский
Гарнизон роскошествует
Грозится спиться
Репетирует
Офицерский
Ансамбль песни и пляски
Мальчик
Входит каждый вечер в реку
Из фалерно
Метаксы
Первача и фетяски
И когда уже
Наплевать на славу
И когда отчизны
Огоньки не явны
Прибегает гонец
Из-под самой Смирны
И докладывает
Что в районе Яффы
Зародился змей
Левиафан
Гитлер
Бегемот
Чингис
Семь голов

Три бивня
Сотня рук
В каждой меч джедая
Мальчик наш
Подкрепления
Не ожидая
В одиночку выступает ночью
Надвигается
На супостата
Разрывает в клочья
От ушей до простаты
И гужёный
Адскими головами
Едет медленно
Напевает
А для тебя родная
Есть травка полевая
И спокойно так умирает

Стаый сон

Трансильванская станция Георгиу-Дэж,
Маскировка под станцию Лиски.
Мы приехали ночью
И бродили по ней,
Как по бочке дубовой виски.
Кто журнальчик читал,
Кто журнальчик смотрел,
Кто храпел и рюкзак тискал.
Кто-то трактор почтовый с перрона угнал.
Но сошло.
Разрулились с милицией.

Сумасшедший с улыбкой святого Фомы
Тёрся рядом, глаза бездонил.
Говорил про коварство какой-то кумы
И про то, что уж год бездомный.
Говорил – патриарх сатану сборол
И запёр в монастырь железный.
Говорил – если небо меня позовёт,
Я спокоен – останется Ельцин.

В три утра тяжёло долго слушать больных,
И его мы выслали вдаль.
Он согнулся, как от удара под дых,
Тоном выше позвал – Виталик!

Он заглядывал за ядовитый ларёк,
За прибор измерения поля.
Он Виталика звал,
Стены все обстучал,
Говорил, это я, Коля.
Выходи, защити меня от чужих,
От их глаз, их рентгенов подлых,
Они били меня,
И пытали меня,
Они бабушку съели Олю.

И раздвинутся своды,
И рухнет стена,
И шагнёт из огня Виталик.
У него триста глаз без глазного дна
И коса из священной стали.
А за ним чёрный сброд,
Затотстенный народ,
Вурдалаки дневного эфира.
Человек-огнемёт,
Пол-Башки,
Зрячий Крот,
И гнилая принцесса Мирра.

Ты за кожу лица меня тронешь
Просыпайся
Спокойно
Водички попей
Электричка пришла на Воронеж.

Пансионат

Наша компашка давно разбежалась.
Мы даже не помнили, чем занимались вместе.
То ли боевые наркотики тестили
В лаборатории генерального штаба,
То ли играли вместе в шоу «Джошуа»,
Где участникам купируют оперативную память.
Мало, короче, осталось с этого времени
В бошках искусственных
Из долины кремниевой.
Или гремлиновой.
Или кремлиновой.
Ничего не помню, кроме
Андрей
Лёша
Лена
Оксана
Вова
Серёжа
Нина

Андрей позвонил.
Я как раз пробил мимо ворот
В симуляторе кубка мира по регби.
Андрюха – мой лучший друг.
При обозрении беглом файлов моего мозга

(папка с именем «begle»),
Можно встретить упоминания о Андрее
В районе семи тысяч раз.
Обрывки аудио, отрывки фраз,
Но ни одного изображения.
Андрей трудится на дальний космос,
На нём – слежение
За созвездием Минотавра.
Он предлагает собрать наших,
Он так и говорит – «наших» – и это класс,
И поехать в Горную Варну.
Тебя
Лену
Лёшу
Оксану
Вову
Серёжу
Нину

Поселились в частном пансионате.
Хозяина не было, хозяйка была гидрой.
Или под гидропоникой.
Никто из нас её объяснений не понял,
Да и не до того нам было.
Мы знакомили наши сенсоры.
Серёжа трудился слесарем
В ретроспектакле
«Будни местной промышленности».
Лёша и Лена были вместе

Уже девять лет.
Вова приехал с лабораторной мышью
Машенькой,
Состоящей из секса повышенной влажности.
А Нина была красивой до невозможности.
Пальцы-ножницы срезают с тебя защиту.
Губы ложные обволакивают
В мгновенья считанные.
И тебя больше нет.

И меня больше нет.

Фишка Горной Варны – речка Убиецот.
Опасных там только метров пятьсот-шестьсот.
Резкий перепад высот,
Чёрные обливные жандармы,
Бочки,
Водовороты и спады.
И надо плыть по ней без всего.
Без надежды, без мысли спастись, без трусов.

Может быть, пронесёт.
Тогда тебя словно возносит на верхний престол.
С начала сезона убили насмерть человек сто.
Самое страшное место – арочный мост.
Но ощущения – выше звёзд.

А больше в Горной Варне нет ничего,
Ни глинтвейна, ни очага.

Лучшее место для смельчака.
Никаких куриц и поедающих их толстых детей.

Хозяин наш, невидимый змей,
Сбил предоплату за восемь дней,
Но так и не показывался на глаза.
Мы в шутку прозвали его Сезам.
Мол, не откроется никогда.
Мы попивали адский чёрный агдам,
Плавали под мостом,
Хозяйка разговаривала с трёхцветным котом
Двумя словами:
Мясо
Потом

На шестой день Серёжа разбился
О красный камень.
Служба речки упаковала его,
Спела «Амен» и «Наш Славный Парень»,
Выдала приз за летальный исход,
И Андрей сказал:
А давайте завтра полный вперёд отсюда.
Меня тошнит от главного блюда
Местной кухни,
А от десерта сворачиваются уши.
Да и Серёжу в Центр Оживляжа
Надо доставить пораньше.
Так и решили.
Уедем на день раньше.

Против была только Оксана.

А вечером мы всё же повидались с хозяином.

Нет, не так.

Повидались с Хозяином.

В результате свидания

Первым стал неосязаемым Вова.

Что-то огромное,

Представьте себе корову с головой бога

И задницей смерти,

Стёрло его, как стирали с доски

Хорошие прежние дети.

В доме будто включили «Звуки Госки»

Композитора Фабрицио Стоцци.

Хозяин Оксану сожрал через центр эмоций.

Мы с ужасом наблюдали,

Как она становится

Крапивой

Горем

Улетающими лебедями

Андрей спохватился – где Лёша с Леной,

Они оба приехали на курорт беременными,

Не плавали, много гуляли

Приусадебным парком.

Они как раз шли мимо окна гостиной.

Выпотрошенные,

Сжатые, как свиные шкварки.

Безликие.

Я повернулся к Андрюхе – а Хозяин

Уже пьёт его ликвор.
И внутри меня что-то крикнуло.
И в ужасе погасило свет.

Меня нет.
Нет, я есть.
На цепи в углу извивается Нина.
Хозяин её выбрал.
Хоть другие девушки демонстрировали
Более явное желание жить.

Он обещал меня освободить,
Если я запишу эту историю.
Моё новое имя – Горе.
И я вспомнил, вспомнил, вспомнил,
Чем мы вместе занимались раньше.

В легионе смерти «Веселье Банши».

Сель

Жили тогда в городе под горой,
Водили туристов за прайс немалый.
Папа всегда был мой дважды герой,
Особенно
Когда приходил усталый,
Падал ужинать.
Мама служит ему с разливной ложкой,
Папа пряным текстом ведёт фирмачей
Ледяной ледниковой стёжкой.
Они обязательно проваливаются в снег.
Но папа их выковыривает и тащит на себе.

Базовый лагерь вызывает четвёртый.
Как у вас?
Все мёртвые.
Некому отвечать.

А мне тогда в гору идти было рано,
Хотя я влезал уже в батины вибамы.
Я часами ездил по городу на трамвае,
Считал ворон,
Глазел на матрон,
А если прижаться пахом
К монументальной скульптуре –
Пребывал в пубертатном рае.

Играл на гитаре один и в группе.
Порхал над цветком
Шаолинским монахом,
Как любой подгорец,
Учился смотреть на трупы.
Без истерик.
Базовый, это штурмовой.
Выходим.
Время терпит.
Штурмовой, удачи.
Погода портится.

Сель меняет в жизни города всё.
Сначала чувство,
Будто мельчайший песок
Летит и срезает тебе лицо.
Потом грохот.
За грохотом тьма.
Если не задохнулся илом,
Раскапываешь себя,
Пока есть силы.
Я видел умерших по пояс,
По грудь, по колено.
Я видел
Захлебнувшийся грязью трамвай,
Вагоновожатую,
Ставшую папье-маше.

Базовый, вы там где все вообще?

Папа построил наш дом на сваях.
Я помню, как все соседи смеялись.
Теперь от них ничего не осталось,
Кроме суперпозиций
В будущем буром янтаре.
Мама молилась,
Тронулась,
Оставляла кукол сестры
На алтаре.
В январе папу выжившие выбрали мэром.
В марте бывшая площадь стала сквером,
А маму навсегда переодели в серое.
В апреле ливни отмыли нас чисто.
В мае приехали альпинисты.
Заработали бары,
Пункты проката,
Вертолётные точки,
Больницы,
Морги.

Базовый поздравляет штурмовой.
Братцы,
С горой вас!
С горой.

Нефть

Земля
Что мы купили в Чикаго
Оказалась камнем
Мы не ругали
Верховного мага
Он неплохо разбирается в боге
Почему он должен понимать в грунте
Грустно, но что поделать
Мы заказали в Сент-Луисе
Партию брёвен
Гнилых брёвен
Канадской ели
Мы поставили наши срубы
На нашем камне
Был ураган
И срубы улетели
Мы потеряли в тот день
Трёх раздавленными
Одну маленькую не нашли
Верховный маг сказал
Работаем дальше
Не обращаем внимания
На этот булшит
Когда-то бог пришлёт нам ангелов
Или подарит нам нефть

Двадцать восемь
Ушли с рассветом
Остальные сказали нет
Мы остаёмся
С тех пор мы бьёмся
Вгрызаемся в камень
Роем норы
Бьём скважины
Как панчер джеббы
Мы отважны и полны надежды

В начале была скважина
И создал бог бур
И полковника Эдвина Дрейка
По образу и подобию своему
И сказал он
Иди и бури
И была нефть
И отделил бог керосин
И хохотал
И было тепло

Мы перестали пить и смеяться
На четвёртую ночь
Наша община получила нефть
Получила то
Чего всегда хочется
Новые ткани на тело
Сытную еду

Даже поездки на ярмарки
За пределами штата
Может,
Поставить новую церковь
Главный маг
Заикнулся о лошадях
Мы смеялись
Только не угрожай
Возможностью ада
Ты обещал ангелов
Что твой бог смог
Эта нефть – это органика
Иди в церковь
Играй на органе
У тебя получается

И увидел бог
Что всё плохо
И создал мотор
И взлетел самолёт
И взревел танк
И был изгнан человек
Человеком
Из человечества
И время отчаялось
И увидел бог
Что этого мало
В отсутствующий прицел
Шотгана

Ангелы появились в полночь
За каждым бандитом
Нанятым неким судьёй
В неких безумных трущобах
Нового Орлеана
Шёл
Бесконечно красивый
Белый
Улыбчивый молодой человек
С крыльями
Каждый из нас узнал своего
Ангел Мэри из Нотэма
Выглядел как реклама пилюль
Для пищеварения
У старого Клинта
Ангел напоминал
Убитого сына
Мой был как я
Только вымытый
Пресный
Логичный
Логарифмический
Верный и точный
Была ночь
Был июль

Нас убивали без жалости
Экспансивная пуля

Не только срезает

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.